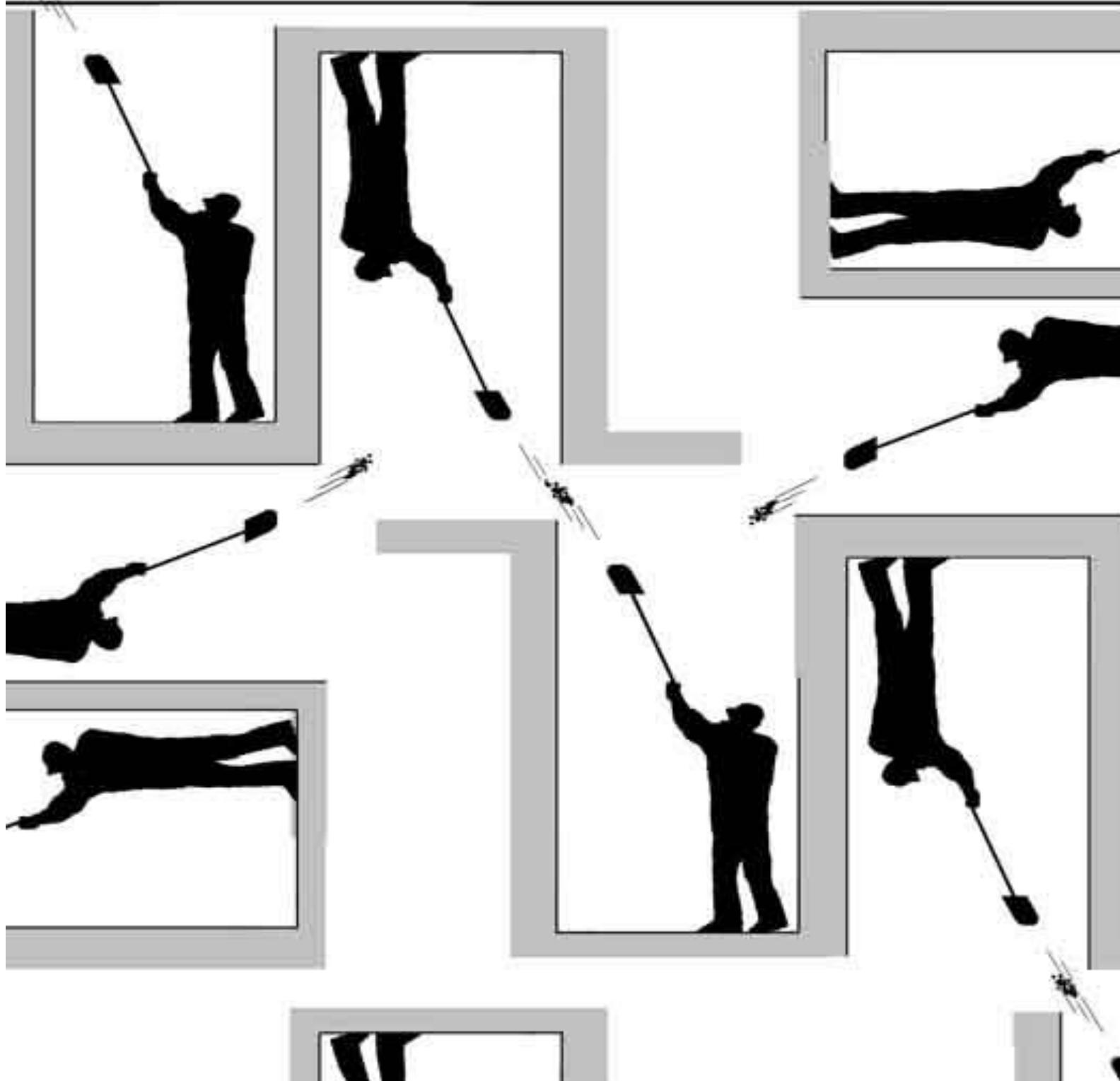

СвободА

Семен Грила

Свобода

*«Природа показывает,
что с ростом интеллекта возрастает способность к боли,
и только с самой высокой степенью интеллекта
страдание достигает своей высшей точки».*

Артур Шопенгауэр

Он преподавал философию, но философом себя не считал. Он считал себя личностью, и этого ему казалось достаточным. Сейчас эта личность, Пётр Фёдорович Красин, была под неким, как теперь любят говорить, экзистенциальным давлением. Он был больным в терминальной стадии. Он думал о красивом уходе, который не уронит его чести и достоинства.

На самом деле он все придумал, вопрос был в исполнении. Для этой цели он отряхнул пыль прожитых лет и позвонил школьному товарищу, который, как он знал, имел отношения со всякого рода подонками. А это Петру Фёдоровичу было сейчас и нужно.

Олег

Олег звонку не удивился – его, похоже, мало что могло удивить – и заорал в трубку: «Петья, ты? Сколько же времени прошло! Ты в натуре пропал с концами. Увидеться? Готов. Когда? Давай завтра. В шесть. В “Астре”. Помнишь? Ну ок. Пока».

Вот так они поговорили, и на следующий день сидели за столиком этой самой «Астры». Теперь называемой «Бургер Кингом».

Олег был по-прежнему поджарым, но постаревшим. Лысым. Ну, в общем, в своем возрасте.

– Петя, ты плохо выглядишь, – сказал Олег, когда восторг встречи растерял первоначальную мощь.

– Пожалуй, – согласился Пётр, – для этого я тебя и побеспокоил.

– Что случилось?

– Болезнь.

– Чем могу помочь?

– Помоги уйти.

– О как. Рассказывай.

Пётр Фёдорович рассказал про болезнь подробно, про жизнь – не очень подробно, и вполне однозначно – про выбор свой.

– Ну ты как всегда, – сказал Олег. – Так, а что я могу?

– Пусть меня убьют при ограблении. Ну, там, оказал сопротивление или со страху. Как тебе нравится. Я заплачу. Поможешь?

– Подумаю.

– Долго?

– До завтра.

– Тогда давай поедим и выпьем.

Они посидели и выпили, и повспоминали.

Было уютно. Кругом шум-гам, и это добавляло теплоты. Алкоголь смазал все петли и срезал все углы. Они дружили в полную мощь.

Потом они долго еще стояли на улице. Потом вызвали такси Петру Фёдоровичу, когда он отказался от предложения Олега подвести.

А почему отказался? Он не любил роскоши. «Бентли» Олега для него была роскошь, а для Олега – нежелание светиться на дорогих машинах. Вот такие они теперь были разные. Не то что раньше.

Старшие товарищи

Пётр Фёдорович друга детства не видел давно, хотя если бы и каждый день видел, вряд ли бы знал, что Олег был, как бы это сказать, внештатным помощником органов. Он шел извилистой дорогой своей жизни и теперь должен был посоветоваться насчет просьбы старого друга со старшими товарищами.

Товарищи объяснили Олегу после паузы в несколько дней, что дело хорошее помогать другу, и они все сделают.

Он должен встретиться и сказать «да». И чтобы друг жил дальше обычной жизнью, судьба его найдет. Пусть больше на этот счет не беспокоится.

После этого забеспокоился Олег. Как-то все это выглядело мутно. Такое ощущение, что Петю хотят в чем-то использовать. Он не понимал, в чем, но зная товарищей своих, понимал, что вряд ли в чем-то хорошем. Выходило так, что Олег оказывал другу медвежью услугу. То есть ровно то, чего и хотел избежать Пётр, доверяясь ему. «Вот же жопа какая», – подумал он опять. Много мыслей слишком – не к добру.

Товарищи Олега имели совершенно простые и понятные намерения. Один из них был близко знаком с руководителем

страховой компании. И не просто знаком, а являлся партнером и крышей.

Появившийся на горизонте наш герой придал этому содружеству новый импульс. Они составили договор страхования жизни на несусветную сумму, осталось его только подписать, вернее, получить все данные клиента. Это не было проблемой. Они их быстро нашли. И дело Петра Фёдоровича заиграло совсем другими красками.

Завещание

Олег написал Пете: «Завещание есть?»

Тот ответил: «Нет».

«Я за тобой сейчас заеду. Ты где?»

«На кафедре».

«А где у нас кафедра?»

Пётр Фёдорович объяснил.

«Выходи через полчаса».

Олег подъехал к универу. Пётр Фёдорович стоял в условленном месте.

– Садись.

– Куда ты меня тащишь?

– К нотариусу.

– Зачем? Я не хочу писать завещание.

– А я хочу, такие правила, – соврал Олег.

– Серьезно?

– Да.

- Ну ладно, тогда конечно.
- Кому будешь завещать?
- Что?
- Всё.
- Не знаю.
- Подумай.
- Тебе? – спросил Пётр Фёдорович. – Зачем всё это?
- А затем, Петенька, чтобы ты был спокоен, что я все исполню правильно. Потому что, если я исполню неправильно, решат, что я тебя убил из корыстных побуждений. И посадят.
- Понятно, – вздохнул Пётр Фёдорович. – Я просто хотел оставить всё Марине, но у меня все равно ничего нет, так что всё правильно ты придумал.
- Что за Марина?
- Аспирантка у меня на кафедре.
- А, – засмеялся Олег.
- Да нет, ничего такого.
- Конечно-конечно.
- Я ее даже не люблю.
- Я так и понял.

Завещание составили таким образом, что все нынешнее имущество во всех формах и будущее во всех формах после смерти философа Красина будет принадлежать Олегу.

Потом они сидели на кухне у Пети, как опять стал называть его Олег, и еще долго мусолили случаи их совместного детства.

Кухня была маленькая, поэтому быстро сделалась уютной для двоих. Они пили водку и ели пельмени, хозяин кухни этой лепил их

сам, у него всегда в морозилке был запас. За водкой пришлось сбегать еще, а потом еще. Нашлись старые пластинки.

Устали нескоро, и сидя в гостиной на диване в хмельном бреду, Олег понял, что Петя – близкий, и его ему не хватало все эти годы.

Завтра пройдет, взял себя в руки Олег и сказал Петe:

– А чай? Мы же не попили чаю.

Опять начали суетиться, и опять было тепло.

«Надо же, – думал Пётр Фёдорович, – а жизнь иногда бывает и приятной вполне». Не раскисай, стариk, звучал в голове внутренний голос. Еще не вечер. Хотя был как раз вечер.

Олег ушел. Петя остался.

Покушение

Утром Олег прочитал в соцсетях, что ли неудачная попытка суицида стряслась с Петром Фёдоровичем Красиным, преподавателем университета, то ли покушение на жизнь. Писали, что он в больнице.

Соседи услышали шум и вызвали кого надо, и те приехали и застали хозяина квартиры в ванной, истекающим кровью. Вот как-то так.

Описывались версии. Разные. Олег почувствовал, что случилось что-то очень плохое. И не потому что Петя мог умереть, а потому что не умер. Он не понимал, почему так. Он вчера жалел, что они возобновили отношения при таких обстоятельствах, а теперь – баx, и вот они где.

Через пару часов Олега уже опрашивал дознаватель. В больнице.

Он попался на выходе от Пети, которого не мог не навестить.

Наверное, по охватившей его странной связи с ним. Или по

наивности, которую он от него вдруг подцепил накануне. Наивности жизни.

- Откуда знакомы?
- С детства.
- Когда виделись последний раз?
- Вчера.
- Заметили что-то? Ждал ваш друг чего-то?
- Не заметил, не знаю.

Олег соображал быстро, и все его соображения ему не нравились. А если всплынет завещание? Тогда труба. И зачем он такое придумал. Бред.

- Зайдете завтра, запишу ваши показания, – дознаватель дал Олегу визитку. – В одиннадцать.
- Да, конечно. Буду.

Подозрения

Открылась феерическая картина для реализации получения звезд и премий. Шкурняки были временно забыты, и работа закипела.

Оперативники каким-то образом получили жирный кусок – договор страхования жизни Петра Фёдоровича Красина, заключенный буквально накануне. Они чувствовали скорое и резонансное раскрытие.

- Вы уж постарайтесь, – сказали им. – Не упустите.
- Не упустим, – молча кивали они и рвали бумагу из рук.

Олега вызвали на беседу старшие товарищи. Говорили с ним двое, хотя раньше все встречи были один на один. Сидели на лавочке под липами, и было в этом что-то меланхолическое, но ущербное.

Худой и Лысый, так их называл для себя Олег, говорить не спешили и молча разглядывали Олега.

– Кто это сделал? – решил начать Лысый.

– Точно не я, – ответил Олег.

– Уверен?

– Да.

– А мы вот – нет.

– Мы встречались накануне, как вы и просили. Все обговорили. Ну в смысле, что его просьба будет выполнена. Я ему так и сказал.

– А что еще?

– Пили. Поехали к нему. Опять пили. Всё. Потом я уехал.

– А кто такая Марина?

– Я не знаю.

– А про завещание он тебе говорил?

– Нет.

Внутри у Олега все замерзло. «Завещание и Марина. Это не случайные выстрелы, это прицельная стрельба. Откуда они знают?» – носилось у него в голове.

– Я пойду?

– Из города не уезжай.

– Конечно.

Оставшись одни, Лысый и Худой обменялись восторженным недоумением по поводу поведения Олега.

– Во дает парень!

– Пусть пока побегает.

– Это-то да, но каков, а?

– Хорошие нервы, согласен.

Следователь

В одиннадцать, ровно в одиннадцать Олег стоял у двери кабинета 28 в здании Следственного управления. Помещение было унылым, как и все подобные учреждения. «Не только все семьи несчастные похожи, а и управления нами тоже похожи», – думал Олег, вспоминая Толстого. Олег читал Толстого, что тут удивительного. Олег даже понимал про рефлексию и усиленно ею сейчас занимался.

Он постучал. Услышал шорох и открыл дверь.

– Разрешите?

– Проходите, – следователь был маленьким, субтильным и молодым. Горящие глаза выдавали желание. А вот чего хотел следователь, Олег не знал. Наверное, чистосердечного признания, как все они.

– Садитесь.

Олег сел.

Дальше следователь заполнил шапку протокола установочными данными. С ФИО, датой рождения и прочими подробностями, опознающими Олега.

Примерно через полчаса следователь перешел к сути.

– О чем говорили на последней встрече?

– Вспоминали прошлое.

– Упоминал ли потерпевший про страховой договор?

– Нет.

– Вы хорошо подумали?

– Да.

– А о завещании?

Олег чуть не задохнулся.

– Нет, – сказал он на автопилоте.

– Подпишите здесь, – следователь подвинул ему вынутый из принтера протокол.

Олег вышел из оцепенения и подписал, не глядя.

– Вы свободны.

Олег кивнул и вышел.

Марина

Аспирантка. Умная. Красивая. Родители алкоголики. Потом детдом. Побои, разврат. Вырвалась. Вспоминать не хочет.

Наверное, все это полезно философу. Ведь философом, как любил говорить Красин, нельзя назначить, философа можно только прожить.

Она многое уже прожила. Петра Фёдоровича уважала, держала за руку, не более того, но и не менее. Они встречались там, на облаках прений и дискуссий, почти всегда безмолвных, но всегда понятных им. Им понятных. Круто, да?

Следователь спрашивал, а она отвечала.

– Общались вне университета?

– Да.

– Как?

– В основном переписка, изредка бывали в кафе или у знакомых на даче.

- Говорил про завещание?
- Говорил. Говорил, что скопил деньги, уж не знаю с каких таких доходов, и хочет отдать их мне. На мое дальнейшее развитие. Верит в меня. Он жив, и это главное.
- Он болен. Врачи говорят, что если это была попытка суицида, то своевременная.
- Он не способен на суицид, это против правил.
- Каких?
- Его.
- Вы знали о диагнозе?
- Знала, конечно.
- Почему «конечно»?
- Мы общались на другом уровне, там нет таких мелочей, как жизнь и смерть. Погоня за структурой не терпит таких нюансов. Вернее, пренебрегает ими.
- Наводите тень на плетень. Толкали его на самоубийство?
- Вы что – не слушали меня? Нет, конечно.
- Подпишите здесь.
- Она подписала.
- Вы свободны.
- Она ушла.

Красин

Больница. Палата. Капельницы. Судна. Катетеры. Мочеприемники. Проза прозаической жизни умирающего или воскресшего. Следователь пришел к Петру Фёдоровичу. Задавал вопросы.

- Вы пытались себя убить?
- Нет.
- Почему вы оказались в ванне с порезами?
- Не знаю.
- Вас кто-то подталкивал?
- Нет.
- Вы были один?
- Да.
- Чудеса?
- Возможны.
- Вы написали завещание?
- Нет.
- Ваша жизнь была застрахована?
- Нет.
- Это ваша подпись?
- Похожа. А что это?
- Это договор о страховании жизни.
- Первый раз вижу.
- Вас обследовала страховая компания?
- Нет.
- Они же не могли заключить с вами подобный договор при вашем диагнозе.
- Вот именно, – Красин вздохнул. – Подумайте сами, это же нереально.
- Но договор – вот он.

– Вам видней.

– Мы не договорили.

Но Красин его уже не слышал, он воспользовался правом больного и потерял сознание.

Олег

Позвонил старшим товарищам. Из разговора понял, что все для него складывается плохо. По междометиям и паузам было хорошо слышно дыхание приближающегося пиздеца.

После разговора он тупо сидел и смотрел в стену. По стене полз таракан (на самом деле – нет), и он казался Олегу похожим на него самого. Вдруг обнаружить себя вот так без цели, без помощи, без, без, без.

«Что делать-то? – думал он. – Петя умрет, а он, Олег, сядет в тюрьму за мошенничество как минимум. А как максимум – лучше не думать». Это была его любимая присказка. Из фильма какого-то прилипла. И вот.

Итак. Завещание – минус.

Он не сказал кураторам про диагноз – плюс.

Он не знает, сам Красин себе вены резал или нет. Минус.

Не совсем ясно, что знает следователь про завещание. Почти плюс.

Все не так плохо, взбодрился Олег. Оторвался от стены и пошел на кухню. Открыл холодильник. Достал сыр, колбасу, хлеб, масло и сделал бутерброды. Сварил кофе. Жизнь, несомненно, налаживалась.

Эх, Петьяка. Несуразный философ. Но он, Олег, тоже хорош. С таким опытом и в таком месте оказался.

Нотариус

Бывалый человек. Много лет работал помощником нотариуса и не так давно выкупил место. На деньги Олега. Счастливый случай. Его нотариус решила уйти на покой. Ну и тут все сошлось. Все довольны.

– Серёжа, ты один? – звонил Олег.

– Один.

– Я заеду через полчаса

– Жду.

Олег знал Сергея очень давно, еще с тех пор, как он был студентом юрфака. Тщедушным и простым. Впрочем, таким он и остался. Люди не меняются. Вернее, они меняются лишь в нашем воображении, а так-то – нет.

– Никто не интересовался?

– Чем?

– Ну, делом, которое было на днях. Завещанием.

– Нет.

– Хорошо, – сказал Олег. И подумал, что у следователя чуть не дал слабину, когда тот стрелял наугад.

– Можешь уничтожить его?

– Если только очень надо.

– Очень.

– Тогда скости мне долг.

– Договорились.

– Тогда считай, что ничего не было.

Сергей не удивился просьбе. Он всегда читал новости с утра, и внимательно. Мелкие криминальные новости. Иногда это очень помогало в работе.

Нотариус набрал номер.

– Да.

– Он приходил.

– А ты?

– Все забыл.

– Молодец.

Абонент отсоединился.

Кураторы

Совещание. Лысый и Худой докладывают начальству.

– В общем, там так складывается, – говорит Лысый. – Некто Олег решил в составе группы, в которую вовлек аспирантку Красина и нотариуса лицензия номер 138 Иванова, убить профессора и завладеть его имуществом. Для чего Красина заставили подписать договор страхования жизни и завещание. По завещанию все досталось бы Олегу. Сейчас мы проверяем банки на предмет получения кредитов. Как нам известно, аспирантка Марина манипулировала потерпевшим, впрочем, как и Олег, других участников выявляем. Следователь работает грамотно. Мы помогаем.

Начальник пожевал губами, внимательно посмотрел на обоих и сказал:

– Работайте.

Красин

Ему снился сон. Что-то очень механическое. Спутанное. Кто-то доказывал ему, что рой не лучше алгоритма. Он спорил и говорил, что рой человечнее. Собеседник хихикал и говорил, что Петя идиот, но полезный.

– Ты, – говорил собеседник, – оправдываешь систему, а значит, принимаешь ее.

– Нет, – отвечал ему Красин, – я лишь говорю о том, что в рое ошибка допустима, не наказуема, она как бы иллюзия – как взмах крыльев, случайность. А в алгоритме такое невозможно. В алгоритме ошибки невозможна, эта флюктуация стирается вместе с ее (ошибки) носителем. Раз – и всё.

Собеседник продолжал хихикать. А потом сказал:

– Вот эти самые размышления твои и извели тебя раньше срока. Примитив. Ты, Красин, лапидарный мудак, а не философ.

Да-да-да, понял Красин, это свобода, она такая вся блестящая, говорящая правду и называющая говно говном. Свобода выбора.

Марина

В университете ее считали сукой, но, конечно, это были сплетни завистниц. Сама она считала свои отношения с людьми частью исследования выбора, которым она занималась на кафедре Красина. Философия выбора была темой ее диссертации. Набором эмоций было все это для драйва движения по отвесной стене абстракций, как когда-то говорил ей преподаватель логики.

Он говорил с ней сухо и непреложно:

– Это надо сделать теперь.

– Но почему? Ему осталось жить пару месяцев, может, полгода.

– Это делает ситуацию бесконтрольной. А у меня приказ – снять затруднение. Сейчас. Поняла?

– Да. Поняла.

Он – это ее куратор. У всех ведь в жизни есть кураторы, иначе это и не жизнь вовсе, а свобода. А на свободе как? Да никак. Вот так и у нее было. Выбиралась из жопы – и прямо в другую. Суeta сует, скажут счастливчики. Проза жизни, поддакнут остальные.

Красин выжил. Ее куратор был в бешенстве. Она в ужасе.

– Доделай, – сказал куратор.

Следователь

Следственная группа в лице оперативников нарыла интересное. Вечером события к Красину приходила его аспирантка. Это установили, посмотрев камеры в подъезде. Она отвернулась, но не помогло. Следователь вызвал Марину на допрос, и она призналась ему.

– Ну вы же понимаете. Мы не афишировали наши отношения.

Она включила женское.

Но следователь механически следовал процессу.

– Подпишите здесь.

Подписала.

– Свободны.

Еще следственная группа обсуждала происхождение договора страхования. Оперативники в конце концов после пересказа нескольких неправдоподобных историй, с ходу отвергнутых следователем, кивнули на «соседей». Это следователь принял и позвонил.

Он разговаривал с тем, кого Олег называл Лысым. Тот пояснил следователю, что документ получен оперативным путем, а остальное не его, следователя, дело. И отключился.

Следователь приказал операм пройти еще раз по всем контактам Красина. Ему была нужна «волна». Что-то в деле этом простом было не просто. Это напрягало следователя. Торчали уши, и кто будет это разбирать? Он пошел к начальству. Начальство высказало неудовольствие, что он так долго возится с таким простым делом. Он назвал начальству пару фактов по делу и свои подозрения о возможных вовлеченных. Начальство сказали: «Занимайтесь».

И он пошел заниматься.

Старшие товарищи

- Следователь требует источник происхождения договора.
- Будем отдавать Олега. А что нам остается?
- Согласовывать будем?
- Нет.

Это Худой с Лысым.

Потом они вызвали Олега на встречу. Но он не пришел.

– Так, – сказал Лысый, когда они прождали полчаса. – Что-то у нас пошло не так. Сдадим его без него тогда. Пусть в розыск объявляют.

– Согласен, – кивнул Худой.

Они позвонили следователю и отправили ему установочные данные на Олега. А потом встретились еще с одним человеком. И приказали ему найти Олега. Живого или мертвого.

Олег

Привычно, как всегда в ситуациях непонятных, спрятался от всех. У него было много мест. Но тут важно было не попасть в смежные сети. А для этого – что? Надо выбирать незахватанные сюжеты, и он так и сделал. Лежал на диване в квартире, где никогда не был и никак не был связан с ней прежде. Так бывает. Случайный выбор. Иногда он самый удачный.

Это не решало его главного вопроса. Почему все так сложно с этим простым делом? Кто так давит на процесс? Он не знал ответа. Значит, надо выпасть, и всё.

Марина

Не любила больницы. Тоска. С трудом упросила ночную сестру пустить ее к Красину. Деньги помогли. Они часто помогают. Смазка.

Он спал. Она сидела рядом. Одноместная палата. Очень удобно. Пошла к дежурному врачу. Там выпивали. Она спросила:

– Как дела у Красина?

Дежурный точно ничего не знал, но слышал, что завтра будет консилиум, что конфликт медикаментов и что-то еще.

– Я не обязан знать.

– Спасибо.

Она посидела еще в палате, а потом ушла.

Может, он умрет ночью, решила она.

Финал

Прошло еще несколько бестолковых для этого сюжета дней и недель.

А потом события некие случились. К примеру, обнаружили Олега, объявленного в розыск. Он оказался неопознанным трупом в морге маленькой больницы в пригороде.

Оперативники нашли (каким-то чудом) нотариуса, который показал, что Красин составлял у него завещание в присутствии Олега.

Красина перевели в хоспис для паллиативного лечения. Умирал он медленнее, чем ожидалось. Марина убедила куратора, что он умрет сам и что не надо привлекать к нему опять внимание, а уж она за ним проследит, обещает и гарантирует. В общем, отмолила.

Худой и Лысый получили пизды от начальства.

Следователь закрыл дело в связи со смертью подозреваемого.

СЛЕДСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ
Российской Федерации

ВЫПИСКА
из материалов уголовного дела
№ 47/19-К

Основание:
постановление о возбуждении уголовного дела
от 14.11.20__ г.

Фигуранты дела:
К-н П. Ф., ____ г.р. (потерпевший)
О-в О. С., ____ г.р. (подозреваемый)

В ходе предварительного следствия по уголовному делу, возбужденному по признакам преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ, установлено следующее.

1. Гражданин О-в О. С., действуя умышленно, в период с «___» _____ 20__ г. по «___» _____ 20__ г., совершил действия, выразившиеся в психологическом воздействии на гражданина К-на П. Ф., создав условия, направленные на формирование у последнего решения о лишении себя жизни.
2. Причинно-следственная связь между действиями О-ва О. С. и наступившими для К-на П. Ф. последствиями нашла свое подтверждение совокупностью собранных доказательств.
3. Вина О-ва О. С. в совершении указанного преступления подтверждается материалами уголовного дела и сомнений не вызывает.
4. Гражданин К-н П. Ф. с материалами уголовного дела, а также с постановлением о признании О-ва О. С. подозреваемым ознакомлен лично.
Замечаний и ходатайств не заявлено.

Вместе с тем установлено, что гражданин О-в О. С. «___» _____ 20__ г. скончался, что подтверждается свидетельством о смерти серии ____ № ____.

В соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, уголовное дело подлежит прекращению в связи со смертью подозреваемого.

На основании изложенного,

ПОСТАНОВИЛ:

1. Признать, что в действиях О-ва О. С. имеются признаки состава преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ.
2. Уголовное дело № 47/19-К прекратить в связи со смертью подозреваемого.
3. Меру процессуального принуждения не избирать.
4. Материалы уголовного дела направить для хранения в архив следственного отдела.
5. Вопрос о реабилитации не рассматривать.

Сведения дополнительного характера:

Оснований для продолжения производства по делу в целях реабилитации умершего не установлено.

Ст. следователь
следственного отдела

Ну вот как-то так.